Андрей Петров

Андрей Васильевич Петров – родился в 1964 году в городе Северодвинске Архангельской области. Окончил Архангельский педагогический институт. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск). Автор книг: «Простые звуки родины моей…», «Язык поэзии Ольги Фокиной», «Север в северной поэзии: лингвистический аспект», «Родниковое слово Фёдора Абрамова». Публиковался в журналах: «Север», «Двина», «Волга – XXI век», газете «День литературы».

«Вселенной в унисон грустить – непревзойдённое искусство…»

Мурманский поэт Илья Виноградов назвал свою стихотворную книгу окказиональным словечком «Желтотравье» (Санкт-Петербург, 2021), которое дважды встречается в сборнике:

Дождь просеянный искрится
Желтотравье серебря.
Осень, от тебя не скрыться!
Где уж скрыться от себя.
(«Осень, манят спозаранку…»)

И станет невесомо и легко,
Когда поймёшь, что на земле конечны
Дома и желтотравье. И, конечно,
Мы сами. И добро, и зло.
(«А здесь стоял, пожалуй, раньше дом…»)

Образ прозрачный, вполне понятный, связанный с осенью, временем красоты и увядания, временем подведения итогов, временем, когда особенно ощущаются бренность жизни и величие бытия.

Справедливости ради следует отметить, что на обложке сборника изображены осенние листья: на серо-буром фоне солнечно выделяются жёлтые, для них автор приберёг ещё один окказионализм *разнолистие*, построенный по той же модели:

Какая тишина поёт в лесу!
В какое разнолистие одет он!
Каким, должно быть, добрым было лето,
Когда и осень как нельзя к лицу.
(«Средь сини журавли вдруг прокричали…»)

Осень – явно любимое время года для поэта, ну да здесь он не одинок, стоит вспомнить хотя бы Пушкина, и не страшно, что осенняя пора связана с печалью, но эта печаль светлая, одухотворяющая:

Осенний ветер треплет лес,
Река листвою обрастает.
На поле вытекла с небес
Печаль тягучая густая.
<…>
Печаль приходит лечь на грудь
Из самой глубины Вселенной.

Пространство хрупкое в горсти
Сожмёшь задумчиво до хруста…
Вселенной в унисон грустить –
Непревзойдённое искусство…
(«Осенний ветер треплет лес…»)

Завершает сборник стихотворение, названное «Краснолесье» (тот же словообразовательный тип), можно только догадываться, о каком лесе идёт речь: осеннем ли, сосновом, или всё-таки сказочном, красивом:

Терем леса полон света,
Радостен кукушки счёт,
Пляшут нимфы в чаще где-то,
Что-то водится ещё.

В начальном стихотворении книги декларируется знаковое, важное для автора противопоставление деревянного – естественного, настоящего, и пластмассового – противоестественного, искусственного, к последнему поэт причисляет и одноликую массовую культуру, финал у стихотворения печальный, отчаянный, прорыв к настоящему соотносим со смертью, что ж, поэтическая гиперболизация призвана воздействовать на эмоции, будоражить разум:

Но сбегу я – поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава богу, гробы деревянные.
Как когда-то дома и лодки.
(«Как добротна мебель из дерева…»)

Настроение и смысл этого произведения подчёркивается ярким художественным средством – сопоставлением родственных созвучных слов, близких, но не тождественных по значению: *Как добротна мебель из дерева / И тепла добротою леса!; Только мир сплошь вокруг пластмассовый, / Словно душный бездушный ящик*. Подобных примеров использования этого удачного приёма можно привести множество, см. выше: *конечны – конечно*, или вот ещё: *Верь верным, сто веков знакомым знакам…* («Поверьям вняв, как гибели бегут…»); *Когда не в почёте честь, / Величие не в чести* («Слоны»); *Ночь глуха и бесконечна – / Чисто нечисти приют* («Ночь глуха и бесконечна…»); *Я ж стою, глазами глупо хлопаю / И, глядишь, прохлопаю вот-вот* («Долго ли, какой заветной тропкою…»); *Скоро листья долистает / Постаревший за год год* («Осень, манят спозаранку…»); *Что же пялюсь в небосвод, / Облачённый в облака?..* («В зимнем небе облака…»); *Не предвечный покой вековой…* («Старец»).

В этом плане большой интерес представляет поэтическое сближение этимологически родственных, однако разошедшихся по смыслу слов *печаль* и *печать*, с помощью которого создается ёмкий образ:

И печать печали чистой
На челе храня,
Вслед душа вот-вот умчится
Расчехлённая
(«Солнце грянуло под вечер…»)

– в последнем слове развивается метафора стихотворения *солнце сорвало чехлы туч.*

Только не найти меча там,
Логика зашла в тупик –
Знать, печалью опечатан
Человечьих душ тайник.
(«В чаще»)

Парадоксальность мышления, метафоричность высказывания в принципе отличает поэтический язык от повседневного, в творчестве Ильи Виноградова они проявляются по-особому, помогая поэту выразить заветное, важное, выстраданное. Заявленное в начальном стихотворении противопоставление настоящего – природного, душевного – и искусственного – неестественного, бездушного – так или иначе реализуется в стихах сборника:

Я ж глянцевой пугаюсь красоты,
Где дух иссох под чёрствым мёртвым лаком.
Где, словно в манекене, пустота,
И даже эха нет – темно и глухо.
Боюсь пустот…
(«Поверьям вняв, как гибели бегут…»)

Всё надеюсь впустую
Отыскать где-нибудь
Человечью простую
И понятную суть.
(«Мне приснился компьютер…»)

На знаковом противопоставлении чёрного и белого строится стихотворение «Белград», посвящённое столице Сербии, пережившей натовские бомбардировки:

Чёрное забыть готов
Убелённый зноем город.
Но средь лета колет холод
Спины сгорбленных мостов.

В стихотворении «Подлодка в темноту уходит…» поэт отдаёт дань восхищения и почитания героическим будням подводников, которые всегда находятся на грани жизни и смерти:

В кругу огня, воды, металла –
Стихий враждующих, чужих, –
Вдали от прочного причала,
В глубинах гибельных, глухих
Их дом

– однако сами моряки не думают о героизме и риске: *Работы нет страшнее нашей, / Но мы не думаем о том. // Мы помним близкое, родное…* – тоже своего рода противопоставление.

Казалось бы, на противопоставлении поэта и народа выстраивается стихотворное посвящение «Глеб Горбовский», однако автор приходит к важному выводу: *Но поэт и есть народ*, потому что *О себе как будто пел, / А на деле – о народе*.

Неожиданные, запоминающиеся образы встречаются в поэтических строчках книги. Вот счастье в облике кота:

Но, моё увидев замешательство,
Счастье шасть ко мне на зависть всем.
– Заживём, – мурлычет, – замечательно!
(«Долго ли, какой заветной тропкою…»)

Вот страх, подобный паучьей сети:

Сквозь липкий страх – паучью сеть –
Прорвёмся по тропе манящей,
Оставив паука смотреть,
Как покоряется нам чаща.
(«Сквозь липкий страх – паучью сеть…»)

Вот звёздный ковш Большой Медведицы: *Ковш гнутый по ночам / Вычерпывает тьму* («Южный крест»); *Нечто очень важное ночь прячет / В семизвёздном выгнутом ковше* («Птицы спят, и дремлет месяц даже…»).

Колоритные герои появляются в стихотворениях поэта: лесник Никодимыч, у которого печаль от большого ума («Запах неба и дыма…»); седовласый старец, *блаженный вполне* («Старец»); заполошный звездочёт, предсказавший *век чудес: Будет счастье, войн не будет!* («Звездочёт»).

Лирический герой то запросто ведёт беседу с самим чёртом лысым, которому *плешь проели человечьи языки* («Ночь глуха и бесконечна…»); то фривольно, даже развязно уговаривает своего начальника дать отгул, чтоб книжки сочинять («Отпусти в отгул, начальник…»); то учится *извивать свой путь* и *силе безголосья* у мудрой змеи («О мудрая змея, я у тебя учусь…»); то торжественно величественно воспевает древнюю реку Колу:

Дом души – в небесном поле,
Где полоской пенною
Млечная впадает Кола
В Кольскую вселенную.
(«Кола»)

То скрупулёзно анализирует поведение своего ангела:

Я падал, кометы быстрей,
С друзьями, культурой, страною,
С башкой непутёвой своей –
Он падал за мной и со мною.
<…>
Он ждёт, несомненно, того,
Что ведомо только крылатым:
Все бросят меня одного,
И вспомню о нём я когда-то.
(«Мой ангел весьма быстрокрыл…»)

Поэту свойственно быть отшельником, одиночкой, поэтому вполне органичны такие откровения лирического героя:

Что мне путь, истоптанный толпой,
Нелюдиму – людная дорога?
И себя хватает мне с лихвой.
Мне себя порою даже много.
(«Что мне путь, истоптанный толпой…»)

Воют двери, стоном стонут ставни,
Как один друзья уходят вон.
Одиночество лишь не оставит
Одного.
(«Птицы спят, и дремлет месяц даже…»)

Поэт сидит, небритый и угрюмый,
И ничего поделать с ним нельзя.
Его друзья – одни больные думы,
Его враги – весёлые друзья.
(«Поэт сидит, небритый и угрюмый…»)

В заключение вернёмся к ключевому образу сборника – образу осени: *И случилось: к осени тоска / В заповедный вызрела покой* («Сколько от неё не убегал…»); *Осень, мне бы – с птичьей стаей! / Только кто ж меня возьмёт?* («Осень, манят спозаранку…»).